

МАЙЯ РОВИНА

ОН НИКОГДА
НЕ ЗВАЛ МЕНЯ
ДОМОЙ

18+

Майя Ровина

Он никогда не звал меня домой

«Автор»

2026

Ровина М.

Он никогда не звал меня домой / М. Ровина — «Автор», 2026

У мужчины, который ночует у тебя четыре дня подряд, обычно есть адрес. У Дениса он тоже был. Просто для меня этот адрес оставался пустой строкой. Он был разведен. О дочери говорил спокойно. С бывшей женой общался ровно. Оставлял у меня рубашки, зубную щётку, книги и продукты. Моя квартира постепенно стала частью его обычной жизни. А его дом по-прежнему оставался для меня чужой территорией. Все наши вечера заканчивались у моей двери. На вопросы находились разумные ответы, и каждый звучал правдоподобно. Ровно до той поездки, после которой я наконец увидела, куда Денис возвращается от меня. В тот вечер мне предстояло узнать, сколько всего может поместиться внутри простой фразы «я давно разведен». И как человек способен говорить правду — оставляя за её пределами целую жизнь.

© Ровина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужой адрес	5
Глава 2. У меня	12
Глава 3. Мы давно разведены	19
Глава 4. Суббота	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Майя Ровина

Он никогда не звал меня домой

Глава 1. Чужой адрес

В июне Москва умеет делать вид, что у неё нет зимы. В девять вечера ещё светло, люди сидят на уличных верандах без курток и с тем выражением лица, которое появляется у горожан после первых трёх тёплых дней: будто всё плохое уже случилось и теперь можно наконец жить. Денис пришёл на семь минут раньше и написал, что стоит у витрины с цветами. Я увидела его через стекло — высокий, в тёмной рубашке, с телефоном в руке и бумажным пакетом из книжного магазина. Он не махал мне и не искал взглядом каждую женщину, выходящую из метро. Просто ждал. Мне это нравилось.

После развода я довольно быстро обнаружила, что у слова «нравится» снова появился буквальный смысл. Не «подходит», не «имеет перспективу», не «правильно было бы попробовать». Нравится — это когда человек прислоняется плечом к стене, читает что-то в телефоне и тебе хочется подойти к нему сзади, хотя вы знакомы всего несколько недель.

— Ты купил книгу? — спросила я.

— Купил чужую ошибку, — сказал он и показал пакет. — Коллега посоветовал. Если окажется плохо, будет виноват он.

— Удобная система ответственности.

— Я работаю над ней много лет.

Он поцеловал меня в щёку, чуть ближе к губам, чем требовала приличная география начала вечера. В тот момент мне казалось важным именно это: никакой торжественности. Никакого разговора о том, куда мы идём. Мы уже шли. В ресторане он заказал рыбу, я — пасту, а потом мы поменялись тарелками, потому что его рыба оказалась лучше. Денис рассказал, как на объекте два взрослых мужчины полдня выясняли, кто должен был заказать неправильный профиль, и оба сумели доказать, что виноват третий, находившийся в отпуске. Я рассказывала меньше. Мне хотелось слушать его голос в обычном шуме — рядом звенели приборы, за соседним столом спорили о школе, официантка трижды проходила мимо с одним и тем же подносом.

Денис говорил спокойно, без попытки занять пространство. Он вообще многое делал так, будто пространство не нужно было завоёвывать. Когда я замолчала, он не начинал срочно развлекать меня. Когда я посмотрела в телефон, не спрашивал, кто пишет. Когда я сказала, что не хочу десерт, не уговаривал взять один на двоих. Раньше я могла бы назвать это эмоциональной зрелостью. Теперь такие формулировки немного раздражали меня. Слишком удобно: дать поведению красивое название и перестать смотреть, что именно человек делает. Поэтому я просто отметила: мне рядом с ним легко.

После ужина мы пошли пешком. Он нёс мой шарф, который я сняла через десять минут, и пакет с книгой. На углу Никитской Денис остановился перед закрытым магазином и минуту разглядывал в витрине настольную лампу.

— Профессиональное заболевание? — спросила я.

— Нет. Плохая лампа.

Он наклонился ближе к стеклу, будто продавец мог внезапно попросить письменное заключение.

— Почему?

— Потому что она делает вид, что освещает стол. На самом деле освещает сама себя.

Я засмеялась.

— Это сейчас была метафора?

— Боже упаси.

Он говорил серьёзно, и от этого было смешнее. До моей студии мы дошли почти в одиннадцать. Слово «студия» звучало лучше, чем она выглядела: одна большая комната с кухней вдоль стены, отдельная ванная, узкий коридор и окно на соседний дом. Квартира была съёмная, мебель — не моя, зато всё внутри подчинялось только мне. Я могла поставить чашку на подоконник и через два дня найти её там же. После девяти лет брака эта мелочь казалась почти неприличной роскошью. Денис однажды сказал, что у меня дома «слишком аккуратно для живого человека», и с тех пор специально оставлял что-нибудь не на месте: часы на кухонном столе, зарядку у дивана, носки возле кровати. Не как метку. Скорее как шутку, которую мы оба понимали.

В тот вечер он положил книгу на пустой край моей полки.

— Вот, — сказал. — Начало захвата территории.

— Книгой?

— У меня мирные методы.

— Книгу ты потом заберёшь.

— Посмотрим.

Он остался у меня. Я не буду подробно описывать то, что произошло ночью. Не потому, что этого не было или в этом есть что-то стыдное. Просто важным оказалось другое: как быстро моё маленькое пространство перестало ощущаться одиноким, когда в нём появился второй человек. Денис не пытался превращать близость в подтверждение будущего. Не спрашивал, о чём я думаю. Не говорил фраз, которые обычно произносят люди, когда им кажется, что молчание нужно обязательно заполнить смыслом.

После он лежал на спине, положив ладонь на живот, и смотрел в потолок.

— У тебя лампа у кровати нормальная, — сказал он.

— Спасибо. Я очень старалась соответствовать.

— А вот розетка сделана человеком, который ненавидел человечество.

— Наконец-то мы добрались до настоящей интимности.

Он повернулся ко мне.

— Я могу починить.

— Не можешь.

Он повернул голову и посмотрел на меня с оскорблённым достоинством мастера, которому не дали открыть ящик с инструментами.

— Почему?

— Съёмная квартира. Если начнёшь чинить одну розетку, через неделю будешь переделывать проводку, потом кухню, потом скажешь, что проще купить квартиру.

— Ты плохо обо мне думаешь.

— Я хорошо наблюдаю.

Он улыбнулся и притянул меня к себе. Мне нравилось, что у нас не было большого плана. Я уже прожила жизнь, в которой планы умели существовать отдельно от людей. Общая квартира, семейный бюджет, покупки, праздники, ремонты, поездки — всё это однажды начинает двигаться по инерции, и в какой-то момент обнаруживаешь, что завтрашний день организован гораздо лучше, чем твои чувства к человеку, вместе с которым ты в этот день войдёшь. С Денисом ничего не было организовано. Он приезжал ко мне. Мы встречались в городе. Иногда я оставалась работать до позднего вечера, и тогда он приносил еду. Иногда у него были дела, и мы не виделись два-три дня. Никто не спрашивал, почему.

Мне казалось, что именно так и выглядит взрослая свобода: не требовать от другого человека отчёта за каждую пустоту. Утром Денис проснулся первым. Я услышала, как он ходит

босиком по комнате, открывает кухонный шкаф, потом холодильник. Через минуту он вернулся.

— У тебя нет еды.

— Есть сыр.

Денис открыл контейнер, посмотрел внутрь и вернул его на место.

— Половина лимона и сыр — это не еда.

— Я живу одна. Это очень эластичное понятие.

Кофе он нашёл сам — на верхней полке, куда вчера уже заглядывал.

Он поставил чайник и нашёл две чашки. Я наблюдала из кровати, как он двигается по моей кухне, уже почти не спрашивая, где что лежит. Обычная сцена. Именно поэтому приятная. На столе осталась его книга. Рядом лежал ремень, на спинке стула — рубашка. Телефон заряжался от моей розетки, которую он вчера назвал преступлением против человечества.

Ни одной из этих вещей не было здесь ещё месяц назад.

— Ты сегодня куда? — спросила я.

— Сначала в офис. Потом на площадку в Химки.

— А вечером?

Он сделал короткую паузу, не подозрительную — обычную паузу человека, который вспоминает расписание.

— Соню надо забрать после английского. Ирина не успевает.

Про дочь я знала. Пятнадцать лет, школа, английский, танцы или что-то похожее — я не запомнила. Про бывшую жену тоже знала. Ирина. Они разведены. Общаются нормально.

За кофе мы быстро сверили вечер: у него английский до половины восьмого, у меня три консультации и бумажная работа. Денис скривился.

— Бумажная работа у психолога разрушает профессию.

— У любого человека, который берёт деньги за работу, рано или поздно появляется таблица.

Он признал это личным разочарованием и больше не пытался сделать из расписания отдельный разговор. Мы ещё минут двадцать говорили о глупостях, потом он оделся. Перед дверью вернулся за книгой, подумал и оставил её на полке.

— Захват территории продолжается, — сказал он.

— Я всё ещё могу вызвать полицию.

— Ты не знаешь, где меня искать.

Он произнёс это легко, уже открывая дверь. Я тоже усмехнулась. Только через несколько секунд, когда лифт увёз его вниз, фраза почему-то осталась.

Я не знала, где его искать. Не в тревожном смысле. У меня был его телефон, фамилия, место работы, я знала имя дочери и бывшей жены. Мы не познакомились в интернете под вымышленными именами. Денис существовал в мире вполне материально. Я просто не знала его адреса.

Это показалось мне забавным, почти старомодным. В двадцать первом веке я знала, какую музыку он включает в машине, где покупает кофе возле офиса, что он ненавидит кинзу и спит на животе, когда устал. Но я не знала, в какой дом он возвращается. В тот день я не стала об этом думать. Через неделю мы встретились возле его офиса. У меня отменили последнюю консультацию, и я написала ему, что оказалась неподалёку. Денис ответил почти сразу: «Дай десять минут».

Он вышел без пиджака, с закатанными рукавами и рулоном чертежей под мышкой. Я впервые видела его не в специально выделенном для меня времени. До этого он появлялся уже готовым к вечеру — вымытым, собранным, не занятым ничем срочным. А тут за ним из стеклянной двери выбежал молодой парень, протянул папку и начал что-то быстро объяснять. Денис слушал, задавал короткие вопросы и одновременно жестом показал мне, что видит

меня. Не попросил подождать где-нибудь, не изобразил раздражение. Через пару минут вернул папку.

— Если заказчик это согласовал письменно, делайте. Если не согласовал — не делайте, даже если он сейчас клянётся, что согласовал мысленно.

Парень засмеялся и убежал обратно.

— Очень тонкое управление, — сказала я.

— У нас сектор мистических согласований пока не открыт.

Мы купили кофе и сели на скамейку во дворе. Я спросила, почему он занимается именно этим — инженерными проектами и отделкой, где любое красивое решение рано или поздно упирается в пожарный люк или провод.

— Потому что результат существует, — сказал он. — Можно прийти и увидеть, что получилось. Или что мы всё испортили. Это тоже честно.

Телефон у него зазвонил. На экране было написано «Соня». Он ответил сразу.

— Да.

Я слышала только его сторону разговора.

— Нет, не заеду. Ты же сказала, что сама... Сонь, я сейчас не могу... Тогда напиши маме... Нет, не «ну всё». Нормально напиши... Хорошо. Если совсем никак, я закажу тебе машину. Одну. И сразу домой.

Он закончил разговор и покачал головой.

— Пятнадцать лет — возраст, в котором человек хочет полной автономии и персонального водителя.

— Справедливая модель мира.

— Очень.

Он не жаловался на дочь и не превращал родительство в героизм. Мне это понравилось едва ли не больше, чем то, как он разговаривал со мной.

— Ты часто её возишь?

— Когда нужно.

— А с бывшей женой у вас как это устроено?

Он пожал плечами.

— Нормально. У кого получается, тот и подхватывает.

Слово «подхватывает» прозвучало для меня правильно. Никакого развода как бесконечной войны, никаких рассказов о безумной бывшей, не дающей видеть ребёнка. Я уже знала достаточно людей, чтобы понимать: если мужчина на третьей встрече подробно объясняет, почему все женщины до тебя были невыносимы, полезно не ждать своей очереди на оправдательную речь. Денис ничего подобного не делал. Я спросила:

— А она далеко живёт?

Он отпил кофе.

— Не очень.

В тот момент ответ показался мне совершенно достаточным. Я спрашивала о логистике, а не составляла карту его жизни. Он ответил о логистике. Через полчаса ему надо было возвращаться. Денис поцеловал меня прямо во дворе офиса, где мимо прошли двое его коллег. Один кивнул ему, второй сказал: «До завтра». Денис не отстранился и не сделал вид, что мы случайно стоим близко. Это тоже попало в мою внутреннюю папку с доказательствами.

Не прячет. Не стесняется. Свободен.

Папка росла из фактов, каждый из которых был настоящим. Ошибкой было не то, что я им верила. Ошибкой оказалось считать, что я уже знаю, на какой вопрос они отвечают. Тогда я этого, конечно, не думала. Я шла к метро с кофе в руке и чувствовала себя женщиной, у которой всё наконец происходит без лишней сложности.

Самое опасное в некоторых отношениях — не тревога. Иногда это облегчение.

У меня действительно было три консультации подряд, потом отчёты и счета. В шесть позвонила Елена, спросила, не хочу ли я выпить кофе после работы. Я сказала, что устала и поеду домой. Она спросила, увижусь ли я с Денисом.

— Не знаю. У него дочь.

— Ты это говоришь таким тоном, будто у него совещание.

— А каким тоном надо говорить о пятнадцатилетнем ребёнке?

— Никаким. Я просто спросила.

Я сменила тему. Елена обладала неприятным качеством старых друзей: слышала не только то, что ты говоришь, но и то, как тщательно ты выбираешь нейтральные слова. Она не стала возвращаться к Денису, и за это я была ей благодарна. В девять он прислал фотографию стаканчика кофе из машины.

«Я жив. Ты?» Я ответила фотографией своей пустой кастрюли. «У меня по-прежнему нет еды». Через минуту пришло: «Это уже системная проблема». Я написала:

«Не чинить». Он поставил смеющийся смайлик. Вот и всё.

Никакой тайны. Ещё одна мелочь случилась в воскресенье. Мы собирались на завтрак, и Денис минут пять искал носки, которые сам же вечером сунул под кресло. Я лежала и смотрела, как он открывает не те ящики.

— Если ты начнёшь жить у меня достаточно долго, — сказала я, — тебе придётся выучить устройство этой квартиры.

Он нашёл один носок и поднял его как трофей.

— Звучит как угроза.

— Это предупреждение.

— Тогда я буду приезжать недостаточно долго.

Я бросила в него подушкой. Он засмеялся, поймал её и положил обратно. Фраза была шуткой, и я услышала её как шутку. Более того, она мне понравилась. В ней было то самое отсутствие тяжёлого будущего, за которое я тогда так держалась. На кухне он спросил, есть ли у меня запасной ключ.

— Есть.

— Не давай мне.

Он уже увидел маленькую чашку у двери и взял ключ двумя пальцами.

— Потеряю. И потом ты будешь рассказывать всем, что это было символично.

— У меня нет такой привычки.

— У всех психологов есть тайная фабрика символов.

Я отобрала у него ключ и бросила обратно в чашку.

— Это клевета.

Ключ лежал в маленькой чашке у двери. Денис взял его, повертел между пальцами и положил обратно. Он не попросил. Я не предложила.

И это тоже показалось мне здоровым. Позже я много раз возвращалась мысленно к этой чашке. Не потому, что ключ что-то «означал». Он ничего не означал. Металл не знает, кто кому кем приходится. Но ключ даёт возможность войти, когда другого человека нет рядом.

Тогда мне такая возможность была не нужна. Я даже гордилась этим: наши отношения существовали только тогда, когда мы оба сознательно выбирали встретиться. Никакой инерции, никакого бытового права доступа, никакого «я всё равно заеду». Я не заметила одной простой асимметрии. Отсутствие ключа у Дениса было нашим общим решением.

Отсутствие даже возможности для меня оказаться у него дома решением не было. Оно просто существовало, и я ещё не знала, что это разные вещи. Через два дня он снова приехал ко мне. Потом ещё раз. Мы ходили в кино, ужинали рядом с моей улицей, однажды до двух ночи гуляли по набережной, потому что не хотелось расходиться. Если мы ехали после этого на такси, точкой назначения всегда была моя квартира.

Я заметила это не сразу. Водитель спрашивал:

— Куда?

Я называла адрес. Денис иногда ехал со мной, иногда выходил раньше у метро или говорил, что вызовет себе машину отдельно. Один раз я предложила добавить вторую точку.

— Давай тебя потом завезём.

Он уже смотрел в телефон.

— Не надо, я отсюда быстро доеду.

— Куда?

— Домой.

Впервые его «домой» относилось не ко мне.

— Так скажи адрес.

Он поднял глаза.

— Я вызову сам, правда. Тебе крюк будет.

И поцеловал меня в висок, как будто вопрос был исключительно о маршруте. Наверное, тогда я могла спросить ещё раз. Не потому, что имела право требовать адрес от взрослого мужчины, с которым встречалась несколько недель. Просто потому, что вопрос возник. Но я не спросила.

Мне понравилось объяснение про крюк. Оно было разумным. А я в тот период очень хотела быть разумной женщиной. Женщиной, которая не проверяет, не контролирует, не устраивает допросов и не превращает новые отношения в попытку немедленно построить следующую семью. У разумной женщины мужчина может не сообщать адрес, если это неудобно для маршрута.

У разумной женщины нет претензий к человеку только потому, что он не зовёт её к себе домой. Тем более что у меня дома нам было хорошо.

Я даже проверила себя на ту ревность, которой так боялась после развода. Представила, что Денис сейчас едет не домой, а к другой женщине. Картинка не держалась. Не потому, что я обладала каким-то специальным чутьём. Просто его поведение не складывалось в скрытность такого рода: он отвечал на звонки при мне, не переворачивал телефон экраном вниз, мог спокойно сказать, что вечером занят дочерью или работой. В мире, где люди часто врут по мелочам просто из лени, эта прямота производила впечатление.

Мне казалось почти невежливым искать проблему там, где человек не давал для неё привычных признаков. Поэтому адрес оставался всего лишь незаполненной строкой. Таких строк в начале отношений много: чей любимый врач, где лежит зимняя резина, кому он звонит, если сломалась машина, какой пароль от домашнего вайфая. Их узнают постепенно, если появляется причина.

Я не понимала, что некоторые сведения отличаются от остальных не содержанием, а положением. Они не просто добавляют подробность. Они показывают, к какой жизни у тебя вообще есть доступ.

В конце мая мы ужинали в маленьком грузинском кафе недалеко от меня. Пошёл дождь, резкий и тёплый. Мы добежали до машины под одним зонтом, промокли всё равно и долго смеялись, пока водитель недовольно смотрел в зеркало на воду, стекающую с нашей одежды.

Я назвала свой адрес. Денис положил руку мне на колено. Водитель спросил:

— Одна точка?

Я уже открыла рот, чтобы сказать «две». Денис ответил раньше:

— Одна.

Это не было ложью. Мы действительно ехали ко мне. Он не соврал ни в одном слове. И всё же в тот вечер я впервые подумала: за всё время, что мы знакомы, он ни разу не сказал мне: «Поедем ко мне».

Позже, когда я пыталась вспомнить, когда именно началась эта история, мне хотелось выбрать момент посильнее. Найти неправильное сообщение, чужую фотографию, случайный звонок, что-нибудь, что прилично смотрелось бы в начале рассказа. Но ничего такого не было. Был дождь. Такси. Его ладонь на моём колене.

И один адрес, который я знала. Мой.

Глава 2. У меня

У Дениса появилась зубная щётка не сразу. Сначала были вещи, которые можно объяснить случайностью: зарядный провод, пакет с кофе, книга, которую он всё-таки не забрал. Потом — футболка, забытая на спинке стула. Через несколько дней он приехал после работы с небольшой спортивной сумкой и достал оттуда чистую рубашку.

— Ты теперь путешествуешь подготовленным?

— Я с утра был на объекте. Там пыль.

— А вечером ты заранее знал, что окажешься у меня?

Он расстегнул манжету и посмотрел на меня.

— Надеялся.

Это слово мне понравилось больше, чем если бы он сказал «планировал». Денис переоделся в ванной, сложил рабочую рубашку в сумку и поставил её у двери. Он вообще был аккуратным человеком, но не той выученной аккуратностью, при которой мужчина после себя не оставляет даже вмятины на подушке. Он мог бросить часы на стол, забыть стакан у кровати, оставить открытым шкаф. Просто утром всё собирал обратно и уносил. Первые недели меня это устраивало. Даже больше — успокаивало.

Утром после развода мне не хотелось просыпаться рядом с чужой новой жизнью. Я ещё не знала, какой должна быть моя, и сама мысль, что кто-то начнёт приносить сюда коробки, зимние куртки, документы, аптечку, привычки и право спрашивать, во сколько я буду дома, вызывала усталость. С Денисом такого не происходило. Он приходил целиком и уходил целиком. Почти.

Щётка появилась в июне. Обычная тёмно-синяя, из круглосуточного магазина. Он купил её по дороге, потому что в третий раз забыл свою.

— Оставь, — сказала я.

Денис уже собирался убрать её в сумку.

— Точно?

— Она не требует прописки.

— Смотря какая щётка.

— Эта выглядит законопослушно.

Он поставил её в стакан рядом с моей. Две щётки в одном стакане оказались сильнее любых разговоров о статусе. Я увидела их вечером, когда пришла домой раньше него, и неожиданно улыбнулась. Не потому, что мечтала о совместной ванной. Меня тронул масштаб происходящего. После девяти лет брака, в котором вещи давно перестали замечать своих владельцев, одна дешёвая щётка снова могла быть событием. Я не рассказала об этом Денису.

Если чувство можно не объяснять, иногда лучше оставить его в покое. В ту пятницу он приехал поздно. У меня закончилась последняя консультация в восемь, и я успела принять душ, переодеться и разложить на столе еду из доставки. Денис позвонил снизу.

— Ты домофон мне когда-нибудь откроешь кодом, как нормальному человеку?

— Нет.

— Почему?

— Потому что тогда ты перестанешь звонить.

— У тебя странные методы поддержания романтики.

Я нажала кнопку. Он вошёл через несколько минут, поставил на пол пакет с фруктами и протянул мне маленькую бумажную коробку. Денис принёс два пирожных, хотя я раньше говорила, что не заказываю десерт.

— Не заказывать и не любить — разные вещи. Я проводил наблюдение.

Я всё-таки отломила кусок и признала, что эксперимент удался.

— Опасная у тебя профессия.

— У меня вообще другая профессия.

На этом спор о пирожном закончился ровно там, где ему и полагалось. Мы ели пирожные прямо из коробки, стоя у кухонной стойки. Денис рассказывал, как заказчик внезапно решил перенести стену после того, как уже провели вентиляцию. Я понимала примерно половину технических подробностей, но смысл был ясен: взрослый человек захотел, чтобы материальный мир подвинулся после того, как решение уже стало дорогим.

— А нельзя просто сказать ему «нет»?

— Можно. Он тогда скажет «давайте посчитаем».

— И вы посчитаете.

— И он решит, что ему очень нравилась старая стена.

Мне нравилось, как Денис говорит о работе. Без театральной усталости человека, на котором держится цивилизация. Работа была частью его жизни, а не доказательством его значительности. После ужина мы смотрели фильм и не досмотрели. Ближе к полуночи он встал за водой, а когда вернулся, сказал:

— Завтра я рано уйду.

— Во сколько?

— Часов в восемь.

— В субботу?

— Соню надо отвезти.

Я ничего не спросила дальше. Не потому, что вопроса не было, а потому, что он казался лишним. Пятнадцатилетняя дочь — достаточная причина уйти в восемь утра в субботу. Денис лёг рядом.

Денис спросил, расстроилась ли я из-за смены планов. Я слишком быстро ответила, что нет, и он это услышал.

— Я могу остаться до девяти, если тебе важно.

Предложение разозлило меня сильнее самой отмены.

— Не надо компенсировать мне дочь дополнительными часами. Я не хочу превращаться в человека, которому ты должен что-то «вернуть» после Сони.

Он убрал руку с моего плеча.

— Я не это имел в виду.

— Тогда просто езжай, как собирался. Мы увидимся потом.

Денис кивнул и больше не пытался исправить вечер количеством времени.

Разговор закончился не очень красиво, зато честно. Мне было важно не вступать в соревнование с его ребёнком ещё до того, как кто-нибудь меня туда приглашал. Я слишком хорошо знала, как легко люди выбирают удобную моральную позицию, а потом начинают требовать, чтобы все остальные играли роли в их правильной истории. Я не хотела быть новой женщиной, которая отнимает отца. Наверное, именно поэтому долго не замечала другой вопрос: какое место в его жизни остаётся для новой женщины, если всё важное уже распределено.

Но тогда этот вопрос ещё не имел веса. Утром Денис действительно встал около семи. Я проснулась от звука кофемолки — он зачем-то решил воспользоваться моей маленькой ручной мельницей, которую я сама почти никогда не трогала.

— Ты издеваешься? — спросила я из комнаты.

— У тебя нет нормального кофе.

— В семь утра у меня нет нормальной терпимости.

— Уже поздно.

Я пришла на кухню в халате. Денис стоял у окна и крутил ручку мельницы. Рядом лежал его телефон, на экране мигали сообщения.

— Соня?

— Ирина.

Он прочитал ещё одно сообщение.

— Поменялось время. Можно не так рано.

— Поздравляю.

— Мне особенно нравится, что это выяснилось сейчас.

Он показал мне экран без всякой необходимости скрывать переписку. Я увидела только несколько бытовых строк: «в 10:30», «у входа», «не забудь форму», «я потом заберу». Никаких сердечек, никакой нежности, никакого тайного языка. Скорее переписка двух диспетчеров. Меня это снова успокоило.

Денис поставил телефон на стол и вернулся к кофе. На кухне Денис предложил мне лечь обратно и обещал принести кофе. Сон уже прошёл, поэтому я осталась у стойки и смотрела, как он отмеряет зёрна.

— Вы с Ириной всегда так координируете всё вокруг Сони? Как маленькая транспортная компания?

Он усмехнулся.

— Примерно. Когда система работает, мы почти не замечаем её. Когда нет — кто-нибудь злится и все начинают звонить друг другу.

— Удобно.

— Очень. Иногда слишком удобно, наверное.

Последнюю фразу он сказал уже без улыбки, и я запомнила её лучше остальных.

Ответ был настолько обычным, что я не стала развивать тему. Через час Денис ушёл, а его щётка осталась. Я убирала постель, складывала полотенце, вытирала со стола крошки. В студии было мало мест для хранения, и почти каждый ящик уже имел назначение. Один нижний я использовала для вещей, которые не знала куда деть: запасные лампочки, батарейки, чек от пылесоса, рулон скотча, старый роутер.

Я вытащила всё на пол. Не было никакого решения «дать Денису ящик». Я просто устала каждый раз перекладывать его зарядку, ремень, книгу и запасную рубашку с места на место. Я отнесла старый роутер в шкаф, выбросила чеки, лампочки переложила к инструментам. В ящике освободилось примерно две трети пространства.

Потом я положила туда его зарядку. Остановилась. Достала обратно.

Это показалось смешным. Я снова положила её в ящик. В понедельник Денис нашёл зарядку не сразу.

— Ты её убрала?

— Я дала тебе недвижимость.

— Где?

Я открыла нижний ящик. Он посмотрел внутрь. Там лежали его зарядка, книга и чистая футболка, которую он оставил в прошлый раз.

— Ничего себе.

— Не привыкай.

— Поздно.

Он не сказал «спасибо». И это было правильно. Благодарность сделала бы жест официальным, а я не хотела официальности. Он просто начал пользоваться ящиком. В следующую субботу мы впервые пошли вместе за продуктами. Не на рынок и не в красивый магазин, куда люди специально приезжают выбирать сыр. В обычный супермаркет возле моего дома, потому что Денис открыл холодильник и снова заявил, что я питаюсь как человек, который надеется случайно умереть до ужина.

Он взял корзину.

— Только не начинай покупать мне еду на неделю.

— Почему?

— Потому что потом всё испортится, а виновата буду я.

— Хорошо. Купим на два дня.

Он действительно купил на два дня: яйца, помидоры, хлеб, курицу, йогурт, воду. Я добавила в корзину вино и пачку дорогих оливок, которые обычно не брала.

— Вот, — сказала я. — Мой вклад в хозяйство.

— Оливки за цену ужина?

— Я создаю настроение.

У кассы Денис автоматически достал карту. Я положила свою поверх терминала раньше него.

— У меня дома — мои продукты.

— Это теперь налог?

— Территориальный.

Он не спорил. Собрал пакеты и понёс оба. По дороге домой ему позвонила Соня. Денис остановился у подъезда и слушал, пока я искала ключ.

— Нет, кроссовки не у меня... Посмотри в шкафу в прихожей... В нижнем... Нет, в другом нижнем... Сонь, я физически не могу посмотреть, я не дома.

Он сказал это без паузы: «я не дома». Я уже открыла дверь подъезда, но почему-то задержалась. Фраза была совершенно обычной. Он находился у меня, значит, не был дома. В ней не было ничего, что требовало анализа.

— Позвони маме, — продолжал Денис. — Она должна знать... Да. Хорошо.

Он убрал телефон в карман и взял пакеты.

— Нашлись?

— Сейчас узнаем. У нас дома есть два одинаковых шкафа, и Соня каждый раз считает это личным разговором архитекторов.

«У нас дома». Я услышала и это. Но рядом стоял мужчина, который нёс продукты в мою квартиру и через пять минут собирался жарить там курицу. Слова не складывались в угрозу. Они просто принадлежали разным кускам его жизни.

В тот вечер он приготовил ужин, хотя готовил, по его словам, «только в чрезвычайных ситуациях». Оказалось, что чрезвычайная ситуация выглядит как моя сковорода и отсутствие нормального ножа.

— Как ты вообще режешь мясо?

— Ножом.

— Это не нож. Это пластина с ручкой.

— Три года справляюсь.

— Три года?

Я на секунду подумала, что он спрашивает о квартире, и только потом поняла: о ноже.

— Он был здесь, когда я въехала.

Денис провёл большим пальцем по тупой стороне лезвия.

— Завтра купим нормальный.

— Нет.

Денис поднял нож на уровень глаз, будто собирался представить его комиссии.

— Почему?

— Потому что ты починишь нож, потом розетку, потом начнёшь менять кухню.

— Я не собираюсь менять кухню.

— Пока.

Он поставил нож на место и взял другой, ещё хуже. Мы готовили вместе, но не синхронно. Я резала овощи, он занимался курицей, потом я ушла отвечать на рабочее сообщение, а когда вернулась, он уже накрыл на стол. Никакого разговора о том, кто что должен делать.

Это было слишком маленькое пространство, чтобы распределять обязанности. После ужина Денис вымыл посуду.

Я вытирала тарелки и вдруг поймала себя на том, что знаю, куда он сейчас поставит каждую чашку. Он тоже знал. Так быстро возникает бытовая компетентность рядом с другим человеком. Не любовь, не обязательство — просто точная память о том, где лежит штопор. На следующий день в холодильнике осталось полпачки яиц, два йогурта и открытая бутылка воды, которую покупал Денис. Я выпила её после работы и подумала, что его присутствие начало переживать его самого.

Новым было другое: раньше, когда он уходил, квартира сразу становилась моей. Теперь он мог отсутствовать физически и всё равно оставаться в мелких операциях: открыть ящик и увидеть его зарядку, взять йогурт, который он купил, переставить чашку.

Я, наоборот, начала покупать некоторые вещи с учётом него. Второй сорт кофе. Минеральную воду, которую он любил. Орехи, которые он съедал ночью. Не спрашивая, будет ли он завтра. Просто потому, что вероятность его появления стала достаточной причиной. Так отношения впервые вошли в мой список покупок. Никакого торжественного решения для этого не понадобилось.

Через неделю там появились носки. Потом маленький флакон дезодоранта. Потом провод для ноутбука. Мне было приятно видеть, как его присутствие становится материальным, но не тяжёлым. Денис не занимал шкаф. Не просил ключ. Не оставлял верхнюю одежду. Не получал почту на мой адрес. Его вещи легко помещались в одном ящике и одном стакане в ванной.

Я считала это доказательством того, что мы не спешим. Однажды вечером я спросила: Пока Денис искал кабель в ящике, я спросила, не хочет ли он оставить здесь что-нибудь ещё. Он постоянно приезжал с одной и той же сумкой, и это уже выглядело неудобно.

— Я привык таскать вещи с собой.

— Я не предлагаю тебе переехать. Просто можно оставить то, чем ты всё равно пользуешься.

Он наконец нашёл провод, закрыл ящик и посмотрел на меня чуть дольше.

— Пока мне хватает того, что есть.

Ответ был мягким, но окончательным. Я не стала превращать его в следующий вопрос.

Ответ прозвучал для меня как проявление деликатности: не вторгается, не захватывает пространство, не делает из моего дома перевалочную базу. Хотя перевалочной базой он уже был. Только в одну сторону.

Однажды он попросил поработать у меня днём. В его офисе меняли часть электрики, а ехать через город ради двух видеозвонков ему не хотелось. Я в тот день тоже работала из дома. У меня было окно между консультациями, и мы сидели в одной комнате каждый за своим компьютером. Это оказалось неожиданно интимнее, чем ночёвки. Ночью люди хотя бы понимают, зачем находятся рядом. Днём каждый занимается своим делом, чихает, ищет зарядку, ругается на интернет и вынужден существовать без специального выражения лица. Денис устроился за столом у окна. Я закрылась на онлайн-консультацию в наушниках и попросила его не ходить за моей спиной. Когда закончила, он поднял руку, как школьник.

— Я ничего не слышал.

— Я ничего не спрашивала.

— Но ты подумала.

— Я подумала, что ты съел все орехи.

Он посмотрел на пустую миску.

— Это доказуемо.

Потом у него начался рабочий звонок. Он говорил совсем иначе, чем со мной: короче, жёстче, без своих спокойных пауз.

— Нет, мы это не переносим... Потому что если перенести сейчас, у вас не встанет мебель... Я понимаю, что вы хотите. Я говорю, что получится... Тогда пришлите письмом, что принимаете изменение.

Я слушала краем уха и улыбалась. В бытовой жизни Денис охотно уступал. В работе, где последствия можно было измерить, становился неприятно определённым. После звонка он закрыл ноутбук. Денис заметил, что я улыбаюсь после короткого разговора по телефону.

— Что смешного?

— Я умею говорить «нет». Сенсация.

Он откинулся на спинку стула.

— Со мной ты обычно вежливее.

— С тобой нет вентиляции.

Денис посмотрел на розетку возле кровати, явно собираясь развить строительную тему, и я подняла ладонь.

— Даже не начинай.

В обед мы ели вчерашнюю курицу. Потом Денис сказал, что ему надо съездить «забрать вещи». Я решила, что речь про химчистку.

— Какие?

— Рубашки. И ноутбучный блок питания другой.

— Где?

Он уже надевал обувь.

— Дома.

— Ты же можешь привезти сюда несколько рубашек, чтобы не ездить.

Денис замер на секунду, будто предложение надо было перевести из одного языка в другой.

— Могу.

— И?

— Привезу.

Он сказал это без сопротивления. Через час вернулся с тремя рубашками на вешалках, аккуратно сложенными в чехол. Я освободила половину перекладины в шкафу.

— Вот теперь у тебя есть настоящая недвижимость.

— Это уже слишком серьёзно.

— Можешь платить аренду.

— Оливками?

— Вино тоже принимается.

Он повесил рубашки и закрыл дверцу. Я стояла рядом и думала, что всё произошло именно так, как мне хотелось: без просьб, без разговоров о статусе, без «куда всё идёт». Я предложила место, он принял. Два взрослых человека изменили устройство одной квартиры на пятнадцать сантиметров шкафа. Меня устраивала эта мера близости.

Только позже я вспомнила: чтобы привезти три рубашки ко мне, Денис сначала съездил домой. Не в магазин. Не на склад. Не в офис. Домой.

В середине июня Денис остался у меня четыре ночи подряд. Не потому, что мы приняли решение, а потому что так сложилась неделя: два раза он заканчивал работу рядом, один раз мы вернулись поздно с концерта, ещё один — просто не хотелось расходиться. На четвёртое утро я увидела его рубашки на спинке стула, ноутбук на столе, щётку в ванной, носки в ящике и поняла, что квартира выглядит так, будто здесь живут двое. Эта мысль не испугала меня.

Напротив. Я стояла у окна с чашкой кофе, пока Денис принимал душ, и думала, что совместная жизнь, оказывается, может начинаться без собрания учредителей. Никто не проносит слово «съехаться». Просто предметы медленно меняют вероятность того, где человек проснётся завтра. Денис вышел из ванной с полотенцем на плечах.

Денис поймал мой взгляд на своих вещах и открыл ящик.

— Ты смотришь на квартиру так, будто здесь произошло преступление.

— Не преступление. Колонизация. У тебя уже футболка, носки и зарядка.

Он оценил содержимое ящика.

— Пока это скорее дипломатическое представительство.

— Представителя в местной думе не обещаю.

На этом мы оба рассмеялись, и разговор впервые не потребовал продолжения. Я улыбнулась. Он одевался, а я смотрела, как быстро мои вещи и его вещи научились не мешать друг другу. Тогда мне не пришло в голову спросить, почему весь этот процесс происходил только здесь.

Мне казалось естественным, что моя квартира удобнее. Я жила одна. У Дениса была дочь, бывшая жена, сложная логистика. Даже если бы Ирина жила рядом, подросток всё равно означал чужое пространство, в которое нельзя просто войти посреди ночи. Я сама достроила объяснение из фактов, которые знала. Это было похоже на работу с неполным пазлом, когда мозг дорисовывает недостающий кусок не потому, что он глуп, а потому, что картинка вокруг слишком убедительна.

Ещё через несколько дней я машинально закинула в стирку его футболку вместе со своими вещами. Поняла это уже потом, когда развешивала бельё на сушилке. Футболка висела рядом с моей майкой, и от этой пары мне стало смешно. Не трогательно — именно смешно. Взрослые люди способны месяцами обсуждать границы, свободу и ответственность, а совместность иногда входит в жизнь как белый носок, случайно попавший в чужую стиральную машину. Когда Денис приехал вечером, я показала на сушилку.

Когда я вернула ему выглаженную футболку, Денис покрутил её в руках с преувеличенной деловитостью.

— С тебя двести рублей за прачечную.

— За такие деньги я ожидаю ещё доставку.

— Глажки не будет. Это отдельный премиальный тариф.

Он уже потянулся к телефону, будто действительно собирался переводить деньги, и я отобрала у него футболку.

— Живи пока в долг.

Я засмеялась и толкнула его в плечо. Он не стал превращать это в разговор о домашности. Через минуту уже рассказывал, что на работе наконец согласовали ту самую стену. Футболка досохла, он сложил её утром и положил в свой ящик. Так и происходило: моя квартира принимала всё больше маленьких функций его жизни. Здесь можно было спать, работать, хранить одежду, есть, мыться, заряжать телефон, оставлять вещи до следующего раза.

Слово «гостит» постепенно переставало подходить. Но другого слова мы не выбирали. Мне это казалось преимуществом. Название, думала я, всегда приходит позже реальности. Сначала люди что-то делают, потом решают, как это назвать.

Я не заметила, что у этой логики есть обратная сторона. Иногда название не приходит не потому, что реальность слишком живая. Иногда потому, что у неё нет места, куда расти.

Вечером Денис приехал снова. На этот раз без сумки.

— Ты забыл вещи? — спросила я.

— Нет.

Он открыл мой ящик и достал футболку.

— Я развиваю инфраструктуру.

Я рассмеялась. Он действительно начал приезжать ко мне налегке. Сначала я восприняла это как маленькую победу близости.

А потом однажды заметила: если его одежда здесь закончится, он не принесёт ещё одну из шкафа. Он привезёт её с собой. Из другого места.

Глава 3. Мы давно разведены

В июне у меня появилась привычка не спрашивать Дениса о том, что он сам не предлагал рассказать. Сначала я считала это хорошим признаком. Взрослый человек не обязан выкладывать биографию на стол, как документы при устройстве на работу. У нас не было соглашения о прозрачности, не было общего бюджета, детей, квартиры, планов на Новый год. Мы встречались, потому что хотели встречаться, и пока это работало. Проблема с такими правилами в том, что они кажутся нейтральными только до первого вопроса, который тебе действительно важен.

В конце июня мы сидели в ресторане на Патриарших. Денис заказал стейк, я — салат, а потом пожалела и отрезала у него половину картофеля. Он не возражал.

— Ты всегда делаешь вид, что не голодная? — спросил он.

— Я не делаю вид. Я ошибаюсь в прогнозе.

— И потом корректируешь за мой счёт.

Он подвинул тарелку ближе к себе, но вилку я уже держала над его картошкой.

— Это называется адаптивное управление.

— Ты начинаешь говорить как человек из моей работы.

— Тогда верни картошку.

Он придвинул тарелку ближе ко мне. За окном было ещё светло. Люди шли по тротуару с собаками, велосипедами, бумажными стаканами. Мы говорили о каком-то фильме, потом о путешествиях, потом Денис вспомнил, как несколько лет назад застрял зимой на трассе из-за грузовика, развернувшегося поперёк дороги.

— С кем ты тогда был? — спросила я.

— Один.

— А Ирина?

Он поднял глаза.

— Что Ирина?

— Вы уже были разведены?

Вопрос вышел проще, чем я ожидала. Без ревности, без подготовленной интонации. Просто факт, который вдруг захотелось поставить на место. Денис положил вилку.

— Да. Мы давно разведены.

— Давно — это сколько?

— Три года.

Я не стала добавлять ничего. Он несколько секунд ждал продолжения.

— И всё? — спросил он.

— А что должно быть?

— Обычно после этого спрашивают почему.

Денис отломил кусок хлеба и, кажется, решил дать мне возможность не продолжать. Я продолжила сама.

— Почему вы развелись?

— Теперь звучит как интервью.

— Ты сам попросил.

Он усмехнулся, но отвечать не торопился. Допил воду, посмотрел в окно.

— Ничего красивого. Не было одного большого события. Несколько лет жили всё хуже, потом перестали делать вид, что это временно.

— Измена?

— Нет.

Он сказал это без паузы и потянулся за водой. Я заметила, что ждала паузу — маленькую щель, в которую можно было бы вставить подозрение.

— Скандалы?

— Были, конечно. Но не так, чтобы соседи вызывали полицию.

— Ты сейчас успокаиваешь меня или себя?

— Скорее соседей задним числом.

Шутка меня всё-таки рассмешила. Денис продолжил уже серьезнее:

— Мы нормально развелись. Насколько вообще можно нормально развестись, когда есть ребёнок и квартира. Соня тогда была младше. Решили не устраивать войну.

Фраза «есть ребёнок и квартира» задержалась у меня в голове. Не потому, что я слышала опасность. Наоборот, она звучала как объяснение того, почему бывшие супруги остаются в контакте.

Я спросила про квартиру. Денис сказал, что её покупали в браке и за три года после развода так и не приняли окончательного решения.

— Три года — долго.

— Да. Но там собственность, школа Сони, деньги. Это не тот вопрос, который мы захотели решить первым после развода.

Он посмотрел внимательнее.

— Ты сейчас про юридический статус спрашиваешь или про то, почему я всё ещё там живу?

Я ещё не была готова сформулировать разницу и сказала, что просто уточняю.

Вот тут я почувствовала неловкость. Не потому, что вопрос был неправильным. Просто я ещё не решила, что именно мне нужно. Я могла спросить прямо: где ты живёшь? Почему я не спросила — потом много раз пыталась понять. Наверное, потому что вопрос уже звучал бы не как информация о разводе, а как проверка. А проверять я не хотела.

— Нет, — сказала я. — Хочу понимать, что у тебя действительно всё закончено.

Он не обиделся.

— Да. Закончилось.

— Юридически?

— Юридически тоже.

Я поставила бокал на стол. Формулировка была именно той, которой мне не хватало, и всё-таки я зачем-то продолжила.

— Ирина свободна?

— Майя.

Я подняла брови.

— Что?

— Конечно, свободна. Мы оба свободны.

В его голосе мелькнуло раздражение, совсем небольшое, и я сразу остановилась. Не хотела превращать разговор в допрос. Денис взял вилку.

— Она встречалась с кем-то после развода. Я тоже. Мы не контролируем друг друга.

— Хорошо.

— Соня знает, что мы не вместе. Никто не изображает семью ради ребёнка.

— Я не говорила, что изображаете.

— Я знаю. Просто говорю.

Он отвечал больше, чем я спрашивала, и это снова успокоило меня. Человек, который что-то прячет, в моём представлении должен был экономить подробности. Денис, наоборот, добавлял их сам. И всё, что он сказал, было правдой. Я ещё не знала, что правдивость бывает очень локальной.

Мы вышли из ресторана около десяти. Денис предложил пройтись. Воздух после жаркого дня был влажный, на асфальте оставались пятна от короткого дождя.

— Ты испугалась? — спросил он.

— Чего?

— Ребёнка, квартиры, бывшей жены. Списка осложнений.

Он говорил без обиды, скорее проверял, не исчезла ли я мысленно из разговора. Я напонила, что у меня тоже есть бывший муж. Денис заметил очевидную разницу: у нас с Андреем нет общего ребёнка и ежедневных обязанностей, которые заставляли бы постоянно координироваться.

— Верно, — сказала я.

На этом сравнение закончилось. Оно не делало его устройство неправильным, только показывало, почему мой собственный развод оказался плохой моделью для понимания его жизни.

Я не стала говорить, что остаточная связь между бывшими супругами вообще редко исчезает сразу. У нас с Андреем после девяти лет брака тоже были вещи, которые существовали дольше отношений: привычки, знакомые, память, какая-то практическая доброжелательность. Но это не требовало ежедневно договариваться, кто кого заберёт с английского. Денис пнул носком маленький камень на тротуаре.

— Соня для меня не «осложнение».

— Я этого не сказала.

— Я знаю. Это я сказал.

— Тогда почему споришь со мной?

Он остановился.

— Потому что заранее защищаюсь, наверное.

В этой фразе было больше честности, чем в предыдущих объяснениях. Я тоже остановилась.

— От чего?

— От момента, когда женщина говорит: я всё понимаю, ребёнок — это святое, но почему ты опять не можешь в субботу?

Я засмеялась, хотя он говорил серьёзно.

— Звучит так, будто у тебя есть опыт.

— Есть.

— И что ты делал?

Он пожал плечами и посмотрел на светофор, хотя мы ещё не собирались переходить.

— Не мог в субботу.

— Очень содержательно.

— А что ещё?

Мы пошли дальше. Мне понравилось, что Денис не строил из себя мужчину, способного одновременно быть идеальным отцом, партнёром, работником и владельцем свободного времени. Он заранее признавал ограничение. В этом было что-то взрослое. Я ещё не видела разницы между ограничением времени и ограничением места.

Мы дошли до небольшого сквера и сели на лавку. Денис спросил:

— А тебе сейчас вообще чего хочется?

— В каком смысле?

— От отношений.

Я ненавидела этот вопрос, когда он звучал на первых встречах. Обычно за ним следовало взаимное предъявление деклараций: «я настроен серьёзно», «я не ищу просто секс», «мне важна семья». Люди обменивались формулировками, как будто подписывали предварительный договор на то, чего ещё не существовало. Но с Денисом мы уже прожили достаточно обычных дней, чтобы вопрос не казался анкетой. Когда я призналась, что сама не знаю, чего хочу, Денис назвал это нормальным ответом.

— Тебя не пугает такая неопределённость?

— Меня пугает ложная определённая. Я хочу, чтобы мне не ввали. Остальное можно выяснять по ходу.

Правило звучало почти идеально.

— Буду пользоваться.

— Пользуйся. Только ко мне тоже применяй буквально, а не по тому, что я должен был догадаться сказать.

Тогда эта оговорка показалась мне просто аккуратностью. В тот вечер я услышала эту фразу именно так, как Денис сказал: без второго дна. Мне тоже было важно, чтобы мне не ввали. Я считала это минимальным условием безопасности после развода: не обещания, не гарантии, не вечная любовь. Фактическая чистота.

Свободен — значит свободен. Разведён — значит разведён. Есть ребёнок — ребёнок существует и остаётся частью жизни.

Не можешь встретиться — говоришь, что не можешь. Я думала, что если эти базовые вещи названы честно, всё остальное можно постепенно настроить. Денис взял меня за руку. Потом я спросила, чего хочет он сам. Денис не ответил сразу.

— Сейчас мне с тобой хорошо. Это, возможно, звучит недостаточно определённо, но другого честного ответа у меня нет.

— Удобный ответ.

— Очень. И всё-таки настоящий.

Это звучало не как уклонение, а как предел того, что он был готов назвать будущим в тот момент.

Мы сидели молча. Вокруг проезжали машины, кто-то смеялся у входа в бар, рядом женщина разговаривала по телефону так громко, будто пыталась убедить не собеседника, а весь квартал. Мне не хотелось давить на Дениса. «Мне с тобой хорошо» казалось честнее, чем «я вижу с тобой будущее», если будущего он действительно не видел. Я сама недавно вышла из брака и знала цену словам, которые продолжают действовать после того, как содержание уже изменилось.

Поэтому я приняла неопределённость за аккуратность. В воскресенье мы гуляли в парке и обсуждали июль. У меня было несколько свободных дней подряд, Денис предложил съездить куда-нибудь на машине.

— На три дня, — сказал он. — Дальше я не обещаю.

— Работа?

— И работа. И Соня.

— У неё каникулы.

— Именно поэтому у неё внезапно больше планов, чем у министра.

Мы остановились у киоска с мороженым. Денис купил себе пломбир, мне — воду.

— Она с вами обоими проводит лето? — спросила я.

— Как получится. Может с Ириной уехать, может со мной. У неё ещё друзья, лагерь не хочет.

— А вы это заранее распределяете?

— Пытаемся. Потом всё меняется.

Он сказал «мы» без напряжения. Мы распределяем. Мы пытаемся. Я слышала в этом нормальное родительство, и оно действительно им было.

— Если мы куда-то поедём, — сказала я, — тебе надо согласовать с Ириной?

Денис нахмурился.

— Не согласовать. Понять, что с Соней.

— Я не цепляюсь к слову.

— Я знаю. Просто разница есть.

Мы пошли дальше.

— А если наши отношения станут серьёзными?

Он посмотрел на меня так, будто я неожиданно сменила язык разговора.

— Они несерьёзные? — спросила я о его прежних отношениях после развода.

Денис пожал плечами.

— Не знаю. С тобой мне хорошо, но я понимаю, что это не категория, которую ты сейчас спрашиваешь.

— Мне не нужна декларация. Я хочу понять, появляется ли в твоей голове будущее, когда отношения становятся серьёзными.

Он доел мороженое и несколько шагов молчал.

— Появляется. Просто вместе с ним появляется необходимость думать, а не обещать.

— И со мной ты это будущее допускаешь?

Денис усмехнулся без веселья.

— Допускаю. Но через два месяца я не умею отвечать так, чтобы любое слово потом не превратилось в клятву.

Это был хороший ответ. Возможно, лучший, который он мог дать. Я сказала:

— Ладно.

— Обиделась?

— Нет. Я тоже не знаю, что будет.

— Тогда мы наконец пришли к консенсусу.

— Не употребляй это слово на свидании.

Он взял меня под руку. Через несколько минут мы уже спорили, стоит ли ехать в Ярославль или вообще никуда не ехать и провести три дня в Москве как туристы. Разговор о будущем растворился без неприятного остатка. Но что-то в нём всё-таки изменилось.

До этого я считала наши отношения почти случайной последовательностью встреч. Теперь стало ясно: мы оба признаём, что они могут продолжаться. Не обещаем, не называем срок, но будущее впервые появилось как допустимый объект разговора. И вместе с ним изменился вес некоторых фактов. Когда человек — только сегодняшний вечер, его адрес действительно мало значит.

Когда он допускает сентябрь, ноябрь, следующую весну, вопрос «где ты живёшь?» перестаёт быть любопытством. Я снова могла спросить. И снова не спросила.

Потому что только что получила то, чего хотела: Денис не исключал будущего со мной. Не хотелось сразу превращать это в проверку бытовых условий. Мы поехали ко мне.

Через несколько дней Денис позвал меня на короткую встречу с его коллегами. Не корпоратив и не мероприятие, куда принято приходить парами. Они закончили какой-то этап проекта и собирались выпить по бокалу в баре рядом с офисом. Он написал: «Я буду там часа полтора. Если хочешь — приезжай». Я поехала именно потому, что приглашение было необязательным. За столом сидели человек восемь. Денис представил меня просто:

— Это Майя.

Никто не спросил, кем я ему прихожусь. Взрослые люди вообще делают это реже, чем герои сериалов. Мне подвинули стул, кто-то заказал ещё воды, разговор продолжился. Через полчаса мужчина напротив начал рассказывать, как жена запретила ему брать ещё один объект, потому что он второй месяц приходит домой после полуночи.

— Правильная женщина, — сказал Денис.

— Тебе легко говорить. Тебя никто дома не контролирует.

— Меня Соня контролирует.

— Соня не считается. Она начальство другого уровня.

Все засмеялись. Мужчина повернулся ко мне:

— Вы не слушайте. Денис после развода вообще решил, что расписание придумали трусы.

Денис поднял стакан.

— Три года клеветы.

Фраза прозвучала настолько буднично, что я не сразу поняла: чужой человек без всякой причины назвал его развод старым фактом, известным окружающим. Не документ, конечно, но и не версия Дениса. Облегчение пришло раньше мысли, и именно это меня разозлило. Значит, всё-таки проверяла.

Денис не заметил или сделал вид, что не заметил. Под столом коснулся коленом моего колена и продолжил спорить с коллегой о сроках. Когда мы вышли, я сказала:

Денис ещё шутил про «три года клеветы», когда я спросила, не позвал ли он меня сюда специально после нашего разговора — как доказательство. Улыбка с его лица исчезла.

— Нет. Я позвал тебя, потому что хотел тебя видеть. Если тебе нужно что-то проверить — проверяй, но не превращай каждую обычную вещь в материал для суда.

Фраза попала точно туда, куда я сама старалась не смотреть.

— Я не хочу суда.

— Тогда не собирай дело.

Я ничего не ответила. Он был прав хотя бы в том, что я уже начала считать свидетелей.

Он не повышал голос. Мы стояли на тротуаре, люди проходили между нами и входом в бар, кто-то курил возле урны.

— Я недавно развелась, — сказала я.

— Я знаю.

— И не хочу опять жить внутри версии, которая потом окажется другой.

Денис кивнул.

— Понимаю.

Я ждала «но». Он не добавил. Через минуту взял меня за руку.

— Поедем к тебе?

Именно так. К тебе. Я услышала, но не придавала значения.

В такси Денис переписывался с кем-то. Я увидела имя Ирины на экране, не текст.

— Всё нормально? — спросила я.

— Да. Соня завтра едет с классом за город, выясняют, кто во сколько её отвезёт.

— Ты?

Денис убрал телефон экраном вверх, не пряча ни имя отправителя, ни переписку. Денис убрал телефон и сказал, что в субботу, скорее всего, придётся помочь с Соней: у Ирины утром работа.

— Видишь? Подготовка к субботе начинается ещё в четверг, — сказал он.

Я засмеялась, но отметила сам принцип: выходной ещё не наступил, а внутри него уже появлялись чужие обязательства.

— Напиши мне, когда поймёшь время.

Он кивнул. На этот раз я не стала спрашивать, почему Ирина не может иначе.

Это была семейная логистика. Я ещё не знала, насколько буквально семья продолжала существовать как машина планирования. В моей голове всё выглядело иначе: два разведённых человека, которые передают друг другу обязанности вокруг дочери. Именно так это можно было описать, и описание не было ложным. Просто оно было неполным.

Дома Денис снял обувь, сразу открыл свой ящик и достал футболку. Я смотрела на него и думала о нашем разговоре. Я всё-таки спросила ещё раз:

— Ты действительно три года официально разведен?

Денис застыл с футболкой в руках. Усталость на его лице была сильнее раздражения.

— Да. Три года. Если тебе нужно, я могу показать свидетельство.

Мне стало стыдно за самую возможность этой проверки.

— Не надо. Я верю.

— Тогда давай оставим этот вопрос закрытым.

Он продолжил складывать вещи, и я впервые почувствовала не облегчение, а неловкость от того, как настойчиво пыталась превратить юридический факт в гарантию всего остального.

Я подошла и обняла его. Мне было стыдно за повторный вопрос. Не потому, что он запрещён. А потому, что Денис дал мне прямой ответ, а я всё ещё искала дополнительную гарантию. В тот момент я решила, что проблема была во мне.

Это очень удобное решение для психолога: найти источник тревоги внутри собственной головы. Там всегда есть материал. Позже я поняла, что моя тревога вообще не требовала объяснения. Ей требовался адрес. Но в ту ночь я не спросила.

В ту же неделю Денис впервые спросил про Андрея не между делом, а по-настоящему. Мы сидели у меня на полу и разбирали коробку, которую курьер оставил у двери: я заказала настольную лампу, и она приехала с абажуром другого цвета. Пока мы собирали стойку, Денис сказал, что девять лет брака — это много, и спросил, общаюсь ли я с Андреем.

— Иногда.

Он не стал вытягивать из меня подробности. Продолжил закручивать винт, а потом сказал:

— Если захочешь рассказать, почему вы развелись, я послушаю. Но я не хочу добывать это вопросами.

Я отложила отвёртку.

— А если не захочу?

— Значит, не расскажешь.

Мне неожиданно понравилось, что после этой фразы действительно наступила тишина.

Он говорил без демонстративной благородности. Как человек, которому действительно не нужно знать всё сразу. Я рассказала немного. Только то, что уже могло существовать между нами без повторного суда над прошлой жизнью: брак закончился, развод оформлен, мы с Андреем не враги. Я не стала перечислять причины и не произносила имя Павла. Не потому, что решила лгать. Просто этот разговор был не про исповедь. Денис не потребовал «полной картины».

И именно поэтому мне стало ещё легче принимать его собственные границы. В отношениях быстро возникает обмен не только фактами, но и правилами доступа к ним. Если человек не вскрывает твои закрытые ящики, тебе сложнее требовать ключи от его. Я тогда не различала две вещи: право на прошлое и информацию, от которой зависит настоящее решение.

Они казались мне частью одной взрослой деликатности. На следующий день я открыла приложение такси и зачем-то посмотрела историю поездок. Почти все вечера с Денисом заканчивались одной и той же точкой — моим домом. В списке были ресторан, концертный зал, его офис, мой кабинет, несколько случайных адресов, где мы встречались. Его дома не было. Я закрыла приложение.

Не потому, что запретила себе думать. Скорее решила, что получила достаточно фактов на сегодня. У человека есть право рассказывать свою жизнь постепенно. У меня — право задавать вопросы, когда они действительно понадобятся. Мне нравилось это равновесие. Я не знала только одного: вопрос уже понадобился.

Я просто ещё не признала его достаточно приличным. Утром Денис ушёл раньше меня. На столе осталась записка, написанная на обороте чека: «Кофе в турке. Не вари второй раз — будет преступление».

Записка меня рассмешила; я выпила кофе и выбросила чек. Разговор о разводе казался закрытым. Я получила ответ на вопрос, который задала.

Он был свободен. Это было правдой.

Глава 4. Суббота

Первой настоящей ссорой с Денисом я тогда считала бы что-нибудь громкое: ревность, обман, исчезновение на сутки, неосторожное имя в чужом сообщении. Ничего такого не произошло. Мы впервые столкнулись из-за субботы. Он предложил её сам. В среду вечером мы сидели у меня на полу, потому что стол был завален бумагами, а диван — его рубашкой, моим пледом и коробкой из-под пиццы. Денис листал на телефоне афишу и вдруг сказал:

В начале недели Денис предложил в субботу уехать из Москвы — куда-нибудь без его заказчиков и моих рабочих таблиц. Мы быстро перебрали Коломну, Сергиев Посад и ещё несколько вариантов, пока он не нашёл на карте усадьбу примерно в часе езды.

— Вот. Утром туда, потом пообедаем по дороге. Без сложного плана.

— Подозрительно хорошо для человека, который обычно планирует чужие объекты.

— Именно поэтому свой выходной я оставляю примитивным.

Мне понравилась сама простота: в субботу пока существовали только мы и дорога.

Мы быстро собрали день, именно потому что ничего важного от него не ждали. Выезд в десять, кофе по дороге, усадьба, поздний обед. Я сказала, что вечером хочу успеть на выставку фотографии в бывшем заводском корпусе. Денис посмотрел программу и заявил, что фотографии людей, смотрящих в окна, должны быть отдельным налоговым режимом. Я купила два билета.

У меня как раз была возможность поставить на субботу две консультации: одна клиентка просила перенести встречу, другая могла только утром. Я отказала обеим и предложила будние окна. Не жертва — обычное планирование. Но в календаре появилась длинная белая полоса с одной записью: «Денис». Я посмотрела на неё и поймала себя на смешном удовольствии. После развода совместный день казался роскошнее совместного отпуска. Отпуск можно заказать, оплатить, застраховать и потом испортить. Суббота просто существует, если два человека оставили её друг для друга. Я написала Денису: «Всё. Я официально отказалась работать ради твоей усадьбы». Он ответил: «Не говори потом на суде, что я разрушил карьеру».

«Буду требовать компенсацию картошкой». «Справедливо». В пятницу днём я купила маленькую бутылку воды в дорогу и сунула в сумку зарядку. Ничего романтического. Именно эта бытовая подготовка и делала план реальным: утром я не собиралась решать, куда ехать, не оставляла себе запасной сценарий, не ждала подтверждения.

Это была мелочь. После развода мне нравились именно такие планы — короткие, обзорные, без необходимости обсуждать отпуск за полгода и сравнивать семейные календари. Суббота помещалась в один экран телефона. В пятницу в половине десятого вечера Денис написал: «Есть шанс, что завтра всё поедет». Я была в ванной и увидела сообщение минут через десять.

«Работа?» Ответ пришёл сразу. «Соня». Потом звонок.

— Что случилось? — спросила я, вытирая волосы полотенцем.

— Ничего страшного. У неё завтра репетиция перед выступлением. Перенесли время, и теперь надо отвезти её к одиннадцати.

— А Ирина?

Денис вздохнул.

— У Ирины съёмка с утра. Она не может сдвинуть.

— Что за съёмка?

— Для каталога. Я не очень понимаю. У них там типография, фотограф, ещё кто-то, и всё было назначено заранее.

Я стояла перед зеркалом и смотрела, как вода с волос темнит футболку на плечах. Выяснилось, что у Сони репетиция и закончиться она должна примерно в два.

— Тогда поедem после? — спросила я.

Денис помедлил.

— Если действительно в два. Я не хочу обещать тебе дорогу, когда не знаю, во сколько освобожусь.

Ответ был разумным, но я уже услышала в субботу условное наклонение.

— Ладно. Скажешь, когда станет ясно.

Он посмотрел на меня, собираясь уточнить настроение, и передумал. Я перекинула полотенце через спинку стула и перестала смотреть на себя в зеркало.

— Я не злюсь. Я просто поняла, что завтра надо строить по-другому.

— Я могу отвезти её и потом приехать к тебе.

— Приезжай.

Собственный голос звучал ровно и по-взрослому, без требования, чтобы мужчина немедленно доказал мне правильную расстановку приоритетов. Мне это даже понравилось.

— Я напишу утром, — сказал Денис.

— Хорошо.

После звонка я открыла билеты в приложении. Возврат был возможен до полуночи. Я не стала возвращать. Утром он написал в девять десять: «Еду за Соней. Пока всё по плану». Я поставила кофе и начала работать с текстами, которые отложила на выходные. В десять сорок пришло: «Репетицию задерживают на час».

Я ответила: «Ок». В одиннадцать пятьдесят: «Они только начали». Я поставила смайлик с человеком, закрывающим лицо ладонью. В двенадцать сорок Денис позвонил.

Потом выяснилась ещё одна часть субботы: после репетиции Соню надо было отвезти к подруге на день рождения. У неё были костюм, сумка и какая-то коробка, с которой ехать одной неудобно. Денис уже предложил такси, но Соня отказалась.

— Я могу отвезти, это по дороге от школы.

На карте нашей будущей поездки «по дороге» относилось к совсем другой системе координат.

— Поняла. Тогда сначала разберись с её временем, а потом скажи, что осталось у нас.

Я села на край кровати. В комнате было тихо; его рубашка, оставленная на спинке стула, вдруг показалась лишней декорацией.

— Денис, а Ирина где?

— На работе. Я же говорил.

— До вечера?

— Похоже на то.

Он не защищался. Просто сообщал расписание, в котором каждое следующее дело возникало из предыдущего.

К тому моменту час уже почти исчез из нашего дня. Я сказала, что он фактически занят до неизвестного времени.

— После того как отвезу Соню, освобожусь и сразу напишу.

Я согласилась жестом.

— Хорошо. Только не спрашивай снова, злюсь ли я. Я сама пока не знаю, на что именно злюсь.

Он замолчал. Эта формулировка, кажется, напугала его больше простого раздражения. Я прошла на кухню и открыла холодильник, хотя есть не хотела.

— Сейчас уже немного злюсь. Не на Соню. На то, что мы с утра каждые два часа переносим день на потом.

На другом конце стало тихо.

— Это справедливо, — сказал он наконец.

Мне почему-то стало легче от того, что он не начал объяснять, какая я бессердечная женщина, конкурирующая с ребёнком.

— Я не хочу, чтобы ты бросил её с коробкой на остановке.

— Спасибо.

— Не благодари. Просто скажи, когда будет ясно.

— Скажу.

Мы повесили трубки. В два я поняла, что в усадьбу уже не поедem. Билеты на выставку были на семь, и до неё оставалось достаточно времени, но весь первоначальный день исчез. Я попыталась поработать, потом вымыла ванную, потом зачем-то разобрала ящик с документами. В четыре Денис прислал фотографию кофейного стакана на приборной панели и написал: «Жив. Коробка тоже». Я ответила: «Рада за коробку».

Он поставил сердечко. В четыре сорок позвонил снова.

— Я свободен.

— Приезжай.

— Где ты?

— Дома.

— Через сорок минут буду.

Он приехал через час с пакетом еды и маленьким букетом ромашек из магазина у метро.

— Не подкуп, — сказал с порога.

— Конечно. Взятка отличается процессуальным оформлением.

— Вот поэтому я и не встречаюсь с юристами.

— Ты и с психологами, видимо, рисковал зря.

Он снял обувь и пошёл мыть руки. Я поставила цветы в высокий стакан, потому что вазы у меня не было.

— Поедем на выставку? — спросил он из ванной.

— Поедем.

— Я могу быстро переодеться.

— Во что?

Денис вышел, вытирая руки.

— У меня в машине есть рубашка.

— У тебя в машине есть запасная жизнь?

— У человека, который ездит по стройкам, в машине есть всё, кроме достоинства.

Злость уже почти ушла. Через двадцать минут мы ехали в такси. Денис рассказывал про Сонину репетицию — девочки готовили номер к школьному мероприятию, кто-то заболел, всё переставили, руководитель пришла позже. История была скучная, нормальная и убедительная. Я слушала и видела перед собой не бывшую жену, не загадочную квартиру и не скрытую систему, а отца пятнадцатилетней девочки, которому испортили субботу так же, как мне. Это различие казалось важным.

Если ребёнок зависит от взрослого, взрослый должен приехать. Здесь нечего анализировать. Я не хотела быть женщиной, которая произносит «я всё понимаю, но...» и дальше объясняет, почему чужой ребёнок обязан исчезнуть с дороги ровно в те часы, когда у неё свидание. На выставку мы опоздали на пятнадцать минут, но нас пустили. В огромном зале пахло свежей краской и кофе. На стенах действительно висело слишком много фотографий людей у окон. Денис посмотрел на меня с выражением человека, чья теория только что получила финансирование.

— Молчи, — сказала я.

— Я ничего.

— Ты очень громко ничего.

Он поднял руки. Мы ходили медленно. В одном зале показывали серию про кухни: пустые столы, чашки, пакеты с хлебом, детские рисунки на холодильниках. Денис задержался у фотографии старой газовой плиты.

— У моей бабушки такая была.

— Работала?

— До тех пор, пока не начинала коптить. Тогда дед разбирал половину кухни, бабушка ругалась, а потом всё снова работало.

— Семейная инженерия.

— Да. Я с детства видел, что любой дом держится на человеке, который знает, где перебивается вода.

Он говорил о доме вообще. Я не спросила, кто знает это у него сейчас. В другом конце зала молодая пара спорила, покупать ли каталог. Мужчина уже держал его в руках, женщина считала деньги в кошельке. Они спорили тихо, привычно, без раздражения. Потом она отдала ему купюру, он взял каталог и понёс вместе с её сумкой. Я почему-то смотрела на них дольше, чем на фотографии. Не из зависти. Мне было интересно, как быстро у двух людей возникает общий способ решать маленькие вещи. Не любовь, не статус. Просто один уже знает, что другой не хочет тащить тяжёлую книгу.

Денис подошёл сзади и протянул мне бутылку воды.

— Ты потерялась?

— Наблюдаю за искусством.

— Они не экспонат.

— Тем интереснее.

Он посмотрел на пару, потом на меня.

— Пойдём кофе возьмём?

Мы спустились в кафе внизу. Денис заказал два американо, не спрашивая, нужен ли мне сахар: уже знал, что не нужен. Это тоже было маленькое общее устройство, и оно работало. Когда мы вернулись в зал, Денис снова достал телефон. Я увидела уведомление от Ирины. Он открыл сообщение при мне.

— Всё нормально? — спросила я.

— Да. Соня добралась. Ирина спрашивает, во сколько я завтра буду.

Я остановилась перед фотографией пустой кухни.

— А завтра что?

Денис смотрел в телефон.

— Надо кое-что по дому сделать. И потом Соню отвезти к бабушке.

— По какому дому?

Он поднял голову. Вопрос прозвучал слишком прямо, и я сама это почувствовала.

Я уточнила, что он имел в виду под «делами по дому». Оказалось, утром Ирина написала про подтекающий кран. Денис сразу заметил, куда может уйти разговор.

— Если ты думаешь, что я лично спасаю бывшую жену от водопровода, я могу просто вызвать сантехника.

Я засмеялась.

— Я пока только спросила, что произошло.

Он убрал телефон. В этом эпизоде действительно не было ничего больше крана — и я позволила ему остаться краном.

Мы пошли дальше. Ответ был настолько бытовым, что вопрос снова потерял вес. У бывших супругов бывает общий ребёнок. Бывает имущество. Если развод не превращён в войну, люди иногда продолжают решать вещи, которые возникли ещё в браке. Я знала это теоретически и, что важнее, не видела в этом ничего плохого.

— У вас какой-то календарь есть? — спросила я спустя несколько минут.

— Какой календарь?

— Ну, Соня, поездки, кто кого везёт, мероприятия.

Денис усмехнулся.

— Есть чат.

— Только чат?

— У Ирины ещё на холодильнике висит бумажный календарь. Она записывает туда всё, включая то, что уже есть в телефоне.

Слово «холодильник» на секунду создало картинку: кухня, магнит, квадратики дней, чья-то ручка. Я даже не успела подумать, почему Денис говорит об этом так, будто видит календарь регулярно.

— Удобно, — сказала я.

— Иногда. Иногда там появляется запись, о которой я узнаю, когда уже должен куда-то ехать.

— Система управления версии «мама сказала».

— Примерно.

Денис остановился у следующей фотографии и наклонился прочитать подпись. Я пошла дальше. Вечером мы вернулись ко мне. Он поставил пакет с оставшейся едой в холодильник, достал свою зубную щётку и спросил, хочу ли я чай. В квартире снова всё оказалось простым. Один человек знает, где лежат чашки. Второй сидит на подоконнике и снимает серьги. У них есть общий вечер.

Я могла бы спросить про календарь ещё раз. Где он висит? Кто именно им пользуется? Почему Денис знает, что Ирина записывает туда всё? Но после дня, который действительно был посвящён дочери, эти вопросы показались мне мелкими и немного стыдными. Я выбрала другое.

Пока закипал чайник, я спросила, часто ли планы меняются из-за Сони. Денис задумался вместо того, чтобы назвать удобную цифру.

— По-разному. Она уже большая, но это не значит, что ей никогда не нужен кто-то из нас. Иногда месяц ничего, иногда за неделю три вещи сразу.

— То есть заранее понять, сколько суббот будет такими, невозможно.

— Именно.

Ответ был честным. Я поймала себя на том, что мне хотелось не честности, а расписания, которого у него не существовало.

Вот это мне не понравилось сильнее, чем всё остальное за день. Не потому, что я хотела расписание его отцовства. Мне вдруг стало ясно, что в наших отношениях существует календарь, которого я не вижу, и он имеет право менять наши планы в любой момент. Но я тут же поправила себя: не календарь. Ребёнок.

Соня имела право менять планы своего отца. Это звучало честнее. Я сказала «ладно» и услышала в собственном голосе то же, что слышал Денис. Он подошёл и поцеловал меня в лоб.

— Я правда хотел сегодня поехать. Давай перенесём на следующую неделю.

— Посмотрим, когда она станет понятна.

Денис чуть отстранился.

— Это уже не обычное «посмотрим».

— Ты за три месяца стал специалистом по моим интонациям.

Он улыбнулся, но не попытался заставить меня сказать более удобное слово.

Я взяла чашку и пошла к окну. Внизу у подъезда кто-то разгружал коробки из машины. Женщина держала дверь, мужчина носил пакеты. Самая обычная домашняя сцена, которую я вообще не должна была замечать. Денис встал рядом.

— Ты всё-таки злишься.

— Уже нет.

— Тогда что?

Я искала ответ и не нашла формулировки, которая не звучала бы либо обвинением, либо глупостью.

— Ничего. День просто получился не наш.

Он помолчал.

— Да.

На этом можно было закончить. Никакой ошибки в его ответе не было. День действительно не был нашим. Следующая неделя прошла почти без трений, но я начала замечать расписание там, где раньше видела только отдельные случаи. Во вторник Денис приехал позже, потому что Соня забыла у него какие-то документы для школы. В среду ушёл в половине одиннадцатого, хотя собирался остаться, — утром надо было отвезти машину на сервис, а потом передать её Ирине. В четверг всё получилось наоборот: он освободился раньше и сам предложил встретиться. Ни один эпизод не был проблемой. Вместе они давали странное ощущение: часть его недели существовала заранее, но становилась видимой мне только в тот момент, когда пересекалась с моей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.